

Край голубых рек

«УСТУУ-ХУРЭЭ»: ГЛАВНОЕ – НЕ БЕЖАТЬ ВПЕРЕДИ ЗЕЛЕННОЙ ЛОШАДИ

Ю. Льноградский

«Ом мани падме хум».

Именно с этими словами вы просыпаетесь на следующий день после возвращения из Тувы, если вы хоть что-то поняли в фестивале под названием «Устуу-Хурээ».

Больше конкретики, меньше обобщений? Хорошо.

Именно с этими словами я просыпаюсь после возвращения из Тувы, с первыми проблесками сознания возвращаясь на фестивальную поляну Чадана, хотя есть и более свежие впечатления. Безумный ночной таксист, гнавший по горным дорогам из Кызыла со скоростью 140 километров в час под Тото Кутуньо и Юру Шатунова. Неторопливый лесной пожар посреди Саян, в который очень просто въехать и из которого непросто выехать. Дотошные полицейские на посту в Ермаковском («С фестиваля? Выходите из машины!»), вывернувшие наизнанку багаж семерых пассажиров и в поисках наркотиков не погнушавшиеся проверить грязные носки и бывшие в употреблении трусы. Рассветный аэропорт Абакана, закрытый наглухо и позволяющий войти внутрь только после звонка охраннику на мобильный, оставленный на прикрепленной к входной двери бумажке. Четырехчасовая попытка уснуть на инквизиторских аэропортовских креслах под аккомпанемент сломанной системы оповещения, которые каж-

Льноградский Юрий - музыкальный продюсер, редактор специальных проектов журнала «Джаз.Ру»

дые шесть-семь минут проникновенно говорит «Уважаемые пассажи..!» Пятичасовой полет рядом с заходящимся криком малолетним ребенком на руках истеричной мамы. Московское метро, в котором начинаешь понимать маньяков, ни с того ни с сего расстреливающих соседей по вагону из крупнокалиберного оружия. Даже собственный город, лучше которого еще вчера не было на всем свете. Даже привычный чай из привычной кружки. Даже истосковавшиеся по хозяину коты: все это не то.

Я ложусь спать днем, потому что я провел в дороге двадцать два часа без сна; в полночь меня будит артиллерийская канонада — празднуется День Города, в рамках которого проходит фестиваль фейерверков; не проснувшись толком, я выскакиваю на балкон в исподнем, убеждаюсь, что мировой войны еще нет, и снова падаю в постель.

В семь утра я просыпаюсь, разбуженный привычным прямым лучом солнца, и я слышу внутри себя именно это.

«Ом мани падме хум».

* * *

«Музыка — как жизнь, — говаривал Дерек Бейли, — только лучше». Он не был на «Устуу-Хурээ», но явно понимал, о чем говорит.

«Устуу-Хурээ» — это тот самый случай.

Либо ты приезжаешь туда и меняешься навсегда (на два процента, на

тридцать, на сто — личное дело каждого), либо ты приезжаешь туда зря, не поняв, какой мир прошел мимо тебя и чего ты не захотел увидеть.

В 1999-м году фестиваль был основан группой тувинских энтузиастов — в основном музыкантов — со странной и безнадежной целью собрать средства на восстановление собственно Устуу-Хурээ — Верхнечаданского буддийского храма, разрушенного большевиками в 1937 году.

Оставшиеся руины — в нескольких километрах от Чаdana, «криминальной столицы Сибири», городка с населением в десять тысяч человек — могли вызвать у случайного человека какие угодно чувства и ощущения, но никак не ожидание того, что здесь что бы то ни было может быть восстановлено. Менее всего — через музыкальный фестиваль, на котором с самого начала запрещена любая музыка, кроме «живой» (миксы, фонограммы и т.п.), и на котором артисты вынуждены давать специальные пояснения оргкомитету относительно используемых ими электронных устройств: используются ли они только для тембральной окраски звука или делают с ним то, что сам музыкант сделать не в состоянии никогда.

Храм и не строился: фестивали проводились, музыканты разного уровня и разной географии играли, восхищались и ужасались, власти морщились и ставили палки в колеса, а гостеприимные жители Чаdana одинаково охотно продавали туристам продукты питания по завышенным ценам и чистили карманы у зазевавшихся.

«Азия», говорили одни и уезжали навсегда, ничего не поняв.

«Азия», говорили другие и уезжали измененными.

Третьи не говорили ничего и оставались тут на годы, порой — забросив родину, семьи, работу.

Четвертые начинали возвращаться ежегодно, найдя для себя какую-то специфическую нишу и применение сил, больше никому не доступное — как известная уже почти всем и каждому японка, раз в год оставляющая семью и детей и приезжающая только для того, чтобы вывозить на фестиваль Владимира Ойдупаа — годящегося ей даже не в отцы, а в деды легендарного музыканта из зеков, почти не способного самостоятельно передвигаться и почти слепого.

«Устуу-Хурээ» настолько отличается по своему наполнению от всего, что удастся посмотреть в жизни среднестатистическому меломану, среднестатистическому музыкальному журналисту и даже среднестатистическому гастролирующему музыканту, что его нельзя называть музы-

кальным фестивалем. Официально, впрочем, он именуется «фестивалем живой музыки и веры», но это лишь неловкая и угрюмая маскировка того, о чем настоящие люди вообще не говорят вслух. У веры фестивалей не бывает; там, где вера фестивалит, ее не остается. Куда правильнее другой программный лозунг Устуу-Хурээ: «От живой музыки — к живой вере», хотя и тут можно спорить — неизвестно еще, в каком направлении двинутся те, кому посчастливилось здесь находиться.

Имели ли право тувинские организаторы указывать в 2004-м году духовный путь только отметившему восьмидесятилетие Маршаллу Аллену, лидеру Sun Ra Arkestra, приехавшему всего-то на шестой по счету фестиваль? Наверное, нет: они наравне с восторженной публикой впитывали его музыку и не думали о том, что вместе с ними будет изменяться он сам. А Аллен приехал в следующем году уже за собственные деньги, потому что он этот путь увидел.

Имели ли право тувинцы показывать новую, до неприемлемости нестандартную музыку тем, кого даже специфическая вера его родных краев не удерживает от того, чтобы раз за разом возвращаться за решетку и месяцами не выходить из запоя? Наверное, тоже нет. Да и некоторые из самих организаторов показались бы рафинированному жителю центральной части России как минимум неподходящей компанией даже для совместной поездки в купе. А они показывали, и Чадан, дикий и грязный Чадан, встречал восторженным ревом и свою десятилетнюю землячку Чимис Сат, исполнявшую по нотам классические этюды на виолончели, и красноярского рок-барда Сергея Пугачева, и московских реставраторов разнообразного славянского фольклора, и ресторанных рокеров из коллектива с вычурным названием «Странники Ра», и новосибирский джаз...

Я забыл сказать главное: за четырнадцать лет тувинцы построили храм. Не тот самый Устуу-Хурээ, который остался стоять в руинах, но точную его копию в ста метрах, по другую сторону дороги. Построили всем миром, от местных министров до нынешнего губернатора Московской области Сергея Шойгу (уроженца Чадана!), от волонтеров из соседних федеральных округов до обычных чаданских скотоводов, от монахов до команды Тувинской государственной филармонии. «Группа добровольцев овощной базы Кызыла», ясли-сад «Родничок», полуанонимное «Управление ветеринарии»... 3125 рублей от населения Баян-Тала, 100 рублей от Чечены Куулар...

Проводя на жилах фестиваль за фестивалем; приглашая и показывая до полного обалдения несбалансированную стилистически и качественно программу; объявляя и с трудом, но выдерживая на время мероприятий сухой закон; запивая грубо порезанный хлеб сырой водой из реки Чадан; продираясь сквозь непредсказуемые выверты «тувинского времени» (которое, как известно, плюс-минус два часа от расписания); замерзая ночью в палатках и получая днем солнечные ожоги уже к полудню; здороваясь за руку с откинувшимися убийцами и тревожно избегая официальных делегаций с солнечными зонтами — за четырнадцать лет, с нуля, они построили свой храм, в который никто не верил не то что не четырнадцать — даже пять лет назад.

Они потеряли за это время многих своих, ушедших из жизни или из Тувы по тем или иным причинам. Они все это время ковырялись в собственных болячках, вместо того чтобы дать им зажить, и доставали себя и окружающих рассуждениями о том, много это или мало — четырнадцать лет, так ли надо строить храм или этак, хорош ли их фестиваль или плох по сравнению с соседним «Саянским кольцом», Москвой и Европой...

Они искренне не знали, что не только в России, но и во всем мире нет, наверное, ни одного фестиваля, который поставил бы себе задачу построить храм, а не выжить или принести прибыль. И нет ни одного фестиваля, который построил бы этот храм.

«Ом мани падме хум».

Уже в 2004-м, когда мне впервые довелось побывать в Туве, «Устуу-Хурээ» был самостоятельным явлением в мировой музыке, искать которому аналоги — бессмысленно.

Его основополагающим принципом была открытость любой музыке, которая является музыкой. Стиль, качество, профессиональный уровень исполнителя, география — все это не учитывалось. Увидеть возведенную в столь высокую степень объективность не доводилось никогда и нигде; здесь не было речи о том, что если на фестиваль приезжают Sun Ra, то все остальные будут на их фоне второстепенны. Да, Sun Ra должны были выступать последними, но лишь потому, что они гости и им надо оказать честь. А все остальные, все до

единого, кто успевал вовремя (то есть до первых изданных на сцене нот) заявить о своем желании попасть в программу, получали такой шанс, и слушатели сами решали — вознаградить ли музыкантов овациями уже после первой композиции или просить их играть еще.

«Устуу-Хурээ» беззастенчиво миксовал воедино все мыслимые стили, от театрализованного фольклорного профессионального реставраторства до низкокачественного гаражного панка, от классических камерных ансамблей с филармонической пропиской до деревенских исполнителей горлового пения, забывавших переодеться перед выходом на сцену, от инструментального джаз-рока до наивной попсы, где «кровь» и «любовь» рифмуются в каждой песне.

Уже тогда, в 2004-м, на всего-то шестом по счету фестивале, когда ни о каком строительстве храма еще не шло речи и оргкомитет лишь считал невообразимые убытки, перед этим подходом надо было молча снимать шляпу.

Команда, которая делает этот фестиваль, стоит на более высоком уровне понимания духовной сути музыки, чем Клод Нобс, Джордж Уэйн, Игорь Бутман, Валерий Гергиев. Подставьте сюда любое сколько угодно высокое имя, и я отвечу за свои слова.

Любой другой фестиваль формирует программу, имея конечную цель: исполнить бюджет, выдержать стилистику, показать спектр исполнителей, презентовать мировую премьеру, собрать целевую аудиторию, воспитать публику в определенном ключе, получить персональное удовольствие, наконец.

Команда «Устуу-Хурээ» с самого начала берет куда более высокую планку, планку истинно буддийскую, отрешенную и всеобъемлющую: она говорит, что все равны, и дает каждому говорить с каждым. Бессменный ведущий фестиваля Андрей Чымба ни разу не сказал о том, что-де у выступающего коллектива надо отметить то или это, что потому или поэтому особо хороши и интересны представляемые композиции. Вместо этого он объявляет выступающих (со специфическим тяжеловесным юмором, который вряд ли простили бы ведущим лидирующих фестивалей европейской части России) и уходит в тень. А дальше коллективы говорят о себе сами — музыкой, разумеется.

«Устуу-Хурээ» не диктует слушателю свою программную волю, не делит музыкантов на плохих и хороших, в лучшем случае лишь особо отмечая хороших друзей. И слушатель, в основной своей массе представленный обычными жителями Чаdana, плохо говорящими по-русски и в принципе не готовыми платить за какую бы то ни было культуру, получает одновременно и полную свободу выбора, и широчайшее представление о том, какая она вообще бывает, эта самая музыка. Получает представление не в Москве, где оно могло бы быть в разы шире. Не в Новосибирске, остающемся культурным центром Сибири. Даже не в Кызыле, где в отличие от Чаdana на улицах случаются люди с докторскими степенями и со вкусом одетые девушки. Именно в Чадане, в городе, где пятилетние дети купаются в грязных придорожных лужах и заборы заваливаются к соседу. Там, где вышедшая постоять у ворот своего дома пожилая тувинка в домашних тапочках, будучи спрошена о дороге к фестивальной поляне, хитро

улыбается и говорит «Я не местная, я не знаю». Там, где почти каждый третий мужчина отсидел.

«Устуу-Хурээ» построил много больше, чем храм; показывая людям музыку, которая, как сказали бы все до единого специалиста, была для этих людей бесперспективна, они создали над этими людьми невидимый защитный покров, который уже начал формировать из старого Чадана новый (и в какой-то степени — новую Туву из старой Туву).

В 2004-м году один из призов получила крайне посредственно игравшая на маримбе что-то псевдоклассическое девчонка по имени Байлак Монгуш; в 2012-м она же, сидя за стандартной ударной установкой, задавала красноярской «Приправе» такой сочный, тяжеловесный и умно смещенный по биту ритм, что далеко не всякий профессиональный московский барабанщик мужского пола мог бы с этим сравниться. Откуда это? Да, талант; да, работа; да, учителя. Но (и это, наверное, все-таки главное) это еще и возможность слушать. Не безликий Интернет, за обманчивыми сверхвозможностями которого скрывается опасность увязнуть в простых прямолинейных развлечениях, а живая сцена в невообразимо неподходящем месте, задымленная десятками грязных полуправильных точек общепита, на которой тебе может показать свою музыку кто угодно.

Будь здесь. Выбирай из услышанного то, что именно ты хочешь делать лучше. И делай. Приезжай сюда прилежным, но равнодушным учеником музыкальной школы — и, загоревшись ранее неведомым направлением, становись в нем своим. Приезжай туристом, не державшим в руках музыкального инструмента — и давай через пару лет свой первый концерт, на который люди соберутся вполне осмысленно. Приезжай, чего далеко ходить, редактором журнала «Джаз.Ру», лучше кого бы то ни было понимающим свое место в пищевой цепочке — и выходи на джем, в ужасе открывай рот перед микрофоном, импровизируй, рискуй, замешивай в неожиданный для самого себя коктейль приемы Бобби Макферрина, Кэба Кэллоуэя и Аркадия Кириченко, управляй слушателями, указывай акценты профессиональным музыкантам, неистово требуй вполне определенной риффовой поддержки у духовой секции. И получай ответный рев аудитории и искренний хохот знакомых, которые сумели оценить и твое нахальство, и твои побудительные мотивы, которые на «Устуу-Хурээ» всегда ценятся больше, чем мастерство.

Человек, который хочет быть в музыке, имеет здесь на это право, и это его право никто и никогда не подвергает сомнению.

«Ом мани падме хум».

Фестиваль «Устуу-Хурээ» проводится в городе Чадан, центре Дзун-Хемчикского кожууна. Добраться сюда предсказуемым образом почти невозможно. Ближайшая железная дорога с регулярным сообщением — в Абакане, почти в пятистах километрах; правда, из Абакана охотно ходит сибирское такси, для которого и 700–800 километров — не расстояние. Но цены, безусловно, кусаются.

Мне повезло с попутчиками, согласившимися подхватить в Абакане и безропотно пережившими двухчасовое опоздание авиарейса; полтора-два километра по хакасским степям и предгорьям, медленный въезд в Саяны, от красоты которых спирает дух сразу же, долгожданный перевал на границе Тувы и Хакасии.

Лена Боргоякова, уставшая за рулем, предоставляет мне возможность самостоятельного спуска с перевала, и я впервые в жизни сажусь за праворульную «Субару», вынужденный привыкать сразу и к коробке-автомату,

и к зеркальному положению руля, и к неровной щебенке непростого горного спуска в тяжелой перегруженной машине.

Это далеко не первое, к чему я буду привыкать на «Устуу-Хурээ». Далеко не первое, что я буду здесь делать впервые в жизни. Далеко не первое, о чем я буду вспоминать до старости. Это только начало.

Тува открывается фантастическими по красоте пейзажами, в которых один тип гор сменяется на другой: высокие и холодные плавные вершины, поросшие мхом и цепкой жесткой травой, превращаются в более резкие скалы, где-то укрытые лиственницами, а где-то обнаженные до разноцветного камня. Дорога петляет среди горных рек, проходит по полуразрушенным мостам, поддерживает в крови адреналин регулярными ямами, дефектами, резкими поворотами; и наконец открываются первые участки равнинной Тувы, где сразу обнаруживаются компактные юрточные поселения, ленивые бараньи стада и такой контраст закатных красок, что перехватывает дыхание.

Найти само место фестиваля в Чадане — задача непростая. Кто-то не говорит по-русски, кто-то делает вид, что не говорит, кто-то делает вид, что не знает. Указателей нет.

В конце концов отыскивается городской стадион (тоже, к слову, облагороженный оргкомитетом фестиваля — поговаривают, что раньше он был попросту разобран на дрова, а после проведения на нем нескольких фестивалей местная братва довела до сведения горожан, что любой желающий поживиться досками будет иметь дело непосредственно с ней, и хищения прекратились). За стадионом — сто метров щебенки, крутая насыпь, сделанная на случай весеннего разлива речки Чадан; сама речка, в это время года хоть и быстрая и шумная, но достигающая в лучшем случае полуметровой глубины и имеющая метров пять-шесть в ширину. Подъем на фестивальную поляну и простая сигнальная лента на двух колышках, преграждающая въезд: ставьте машину, где хотите. Приехали.

Основателя фестиваля Игоря Дулуша и его ведущего, Андрея Чымба, я нахожу сидящими на корточках перед палаткой регистрации. Перед ними — пара десятков то ли прессы, то ли гостей.

«Мы — простые тувинские энтузиасты», — говорит Игорь характерно усталым голосом, не замечая вновь пришедших.

«Тебе идет эта новая прическа, Юра», — говорит Андрей, заметив нако-

нец, что я стою за спинами слушающих с дурацкой счастливой улыбкой.

Черт бы их побрал, прошло восемь лет, а они помнят, какая у меня была прическа в 2004-м году...

Двадцать второго июля, в официальный день заезда, людей не так много, и они в основном располагаются в лесу.

Мне удастся поставить палатку на самом оживленном перекрестке, посередине между регистрационной зоной и служебным пространством оргкомитета — своего рода городком Тувинской государственной филармонии, по виду больше похожим на обычный полевой стан в разгар уборки урожая. Потом окажется, что лиственница, прямо у которой стоят мои

кеды — дерево специальное, облюбванное шаманами для инсталляции своего оборудования, и не один турист сфотографирует бубен знаменитой Ай-Чурек на фоне палатки представителя «Джаз.Ру».

Мы приехали поздно, и у нас не очень много времени на то, чтобы осваиваться и готовить.

Игорь уводит меня в «столовую» оргкомитета и говорит: «Ешь. Это суп. Простой тувинский суп». Обычные макароны, сваренные с тушеной без особых изысков. Давно знакомый напиток, незабываемый вкус которого все-таки опять и опять оказывается новым: зеленый чай, травы, молоко, немного соли. Ледяная вода Чадана, мгновенно сводящая ноги. Знакомые лица, появляющиеся из темноты и так же радостно и растерянно улыбающиеся, как улыбаюсь я сам.

В какой-то момент, не пробыв на «Устуу-Хурээ» еще и пары часов, еще не размяв как следует ноги и не сменив пропотевшую дорожную футболку на свежую, я вдруг понимаю: я дома. И меня не удивляет, когда уже во втором часу ночи Игорь неожиданно говорит, что именно мне надо поехать с ним в храм и решить кое-какие вопросы.

Мы садимся в жарко натопленную филармоническую «Волгу» вместе с двумя молчаливыми и усталыми до безразличия тувинцами и молча едем куда-то по темной дороге минут двадцать. В этом нет ничего принципиально нового: я много куда и много с кем ездил. Но я все четче понимаю, что это — из тех острейших жизненных переживаний, которые не забудутся.

С заднего сиденья виден только край пыльной кожаной шляпы Дулуша, кепка водителя, его напряженные руки; крепко пахнет мужским потом, пылью, много работающей старой машиной и плохим табаком — водитель непрерывно курит сигарету за сигаретой. И больше — ничего; мы просто молча едем к Устуу-Хурээ, который был разрушен семьдесят пять лет назад и который будет открыт завтра, 23-го июля, в самый сильный день Года Дракона, в понедельник, противоречащий всем мыслимым разумным законам организации массовых мероприятий.

«Ом мани падме хум».

Ночной храм подсвечен, потому что в нем еще всю идут работы. За главного — Тимур Дулуш, брат Игоря, руководитель Духового оркестра Правительства Тувы, директор республиканской школы искусств имени Ростислава Кенденбия и так далее. Он тоже устал, тоже больше похож на тракториста, чем на деятеля какой бы то ни было культуры, и он активно гоняет туда-сюда своих оркестрантов, которые похожи уже совсем на обычную дворцовую шпану.

Я жду несколько минут, глядя на эту неторопливую, но до мелочей заполненную действиями работу. Снимаю обувь и захожу в храм, понимая,

что я тут — единственный, извините за выражение, славянин, да еще и крайне далекий от какой бы то ни было религии.

Я помогаю одному из парней поднять и перенести какие-то доски; он кивает мне и говорит «четирдим», что означает «спасибо», и неожиданно для самого себя я говорю «ажырбас», что примерно означает «да все нормально». Мы улыбаемся друг другу, и через минуту я уже таскаю вместе со всеми какие-то тяжеленные ящики; потом выясняется, что это «тысяча Будд», статуи, прибывшие в храм специальным рейсом из Индии и протомившиеся до последнего допустимого предела на таможне.

Мы вскрываем эти ящики, понемногу прибывают ламы и официальные лица; кто-то читает молитвы, и первая из статуй, бережно освобожденная от упаковки и именной бирки, встает на свое место на одном из многочисленных резных тронов. Оркестранты и собравшиеся из ниоткуда строители, местные жители, чиновники начинают освобождать следующих и, прикладывая ко лбу, передавать их монахам. И как-то так получается, что мне тоже разрешают сделать то же самое: на верхней левой полке Верхнечаданского Храма теперь стоит статуя номер 25665, что бы это ни значило.

Когда я ее передавал, я много о чем успел подумать. И, строго говоря, наблюдая за всем этим священнодействием, в котором торжественность удивительно совмещалась со строительной суетой, я был ближе всего к тому, чтобы впервые в жизни молиться — но не какому-то конкретному богу, а тому человеческому духу, чья сумма сделала все это реальным.

За дверями храма — темнота и потрясающей глубины звездное небо; на дальнем краю неровного света фонарей — штук двести обычных школьных стульев, заранее приготовленных для завтрашнего торжества. Знали бы организаторы, что такое эти двести стульев по сравнению с той массой народа, что придет сюда завтра!

Мы ложимся спать уже с первыми проблесками зари, узнав лишь, что завтра в девять утра — хороо, торжественное шествие к храму. И эти девять утра начинаются с характерной для «Устуу-Хурээ» побудки: невыспавшийся Игорь включает усилитель, берет микрофон, и из подвешенных на лиственнице динамиков, как в добром старом пионерлагере, раздается его голос, который теперь будет сопровождать нас весь фестиваль. «Доброе утро, гости Устуу-Хурээ. Вставайте. В девять часов — хороо...»

Игорь любит говорить по громкой связи. Он будет приходить к микрофону часто, почти всегда непредсказуемо, и его речь будет впору разбирать на цитаты.

Уже в первое утро, повернувшись на другой бок и твердо решив пропустить это ваше «хороо», потому что хочется спать, я услышал от него, что «Нормальный человек — это «пять минут и встал»; нормальный мужчина — это «пять минут и костер»; нормальный костер — это «пять минут и чай»».

Спать под эту по-хорошему занудную побудку невозможно.

А Игорь следом объясняет еще и правила поведения: делайте, говорит он, что хотите, только не бегите впереди зеленой лошади, которую поведут в храм монахи. Тот, кто бежит впереди зеленой лошади, бежит к собственной смерти...

Мы быстро собираемся на хороо — кто-то прихорашивается, кто-то просто приходит в себя. Меня приглашают в молчаливый круг тувинцев, которые, делая по два глотка, передают по кругу кружку с обжигающе горячим чифирем. Понятия не имею, хорош этот напиток или плох с точки зрения закона, морали и медицины; мне, честно говоря, плевать. Никогда раньше я его не пробовал и считал, начитавшись книжек и газет, что это напиток уголовников; сев в круг с этими людьми и узнав среди них многих строителей храма, этим первым своим «чаепитием» я теперь горжусь больше, чем иным сидением в жюри с народными артистами и личным знакомством с иными мировыми звездами.

Это еще одно из негромких откровений «Устуу-Хурээ», которые сами тебя находят. Не будь предвзят, говорит тебе этот фестиваль.

Хороо ведут вперед ламы открывающегося храма, за которыми следуют музыканты духового оркестра в традиционных костюмах и масках. Мелодия из древней мантры обряда Цам, которым не одна тысяча лет — на самом деле простой повторяющийся рифф, позволяющий музыкантам разрядить легкие и вдохнуть новую порцию воздуха; несложно, но медитативно донельзя. Плюс протяженность шествия (как потом выяснилось, больше восьми километров, хотя в блогах уже вовсю декларируется пятнадцать). Плюс изнурительная жара. Плюс тот факт, что вчера те же самые музыканты до глубокой ночи работали в храме. Плюс то, что ламы с самого начала берут бодрый темп, совершенно непосильный для неподготовленных людей (со всеми остановками и затяжными подъемами хороо будет длиться чуть меньше двух часов). Плюс дисциплина в построении — за ламами следует оркестр, за оркестром добровольные помощники-музыканты, за ними — знаменосцы, и только потом — остальные.

Волнуют ли кого-то все эти сложности? Нет.

Как храм когда-то начинался с одного кирпича, так и это шествие начинается будничным «Пошли!». Музыканты издают первую ноту и набирающая силу толпа начинает враскачку двигаться через городские предместья, через центр, через Алдыы-Хурээ (более молодой храм, построенный уже в поздние советские времена в черте поселка), через окраину и через шоссе к повороту на храмовую дорогу.

Люди всех возрастов присоединяются к шествию на каждом углу, представители основных родов Тувы несут свои персональные статуи Будд, которые будут установлены в храме; качающийся ритм древней мелодии отмечает первую половину риффа, а во второй в ослепительно-голубое небо вонзаются импровизационные фразы подключившихся к оркестру добровольцев. Тут и хорошая джазовая труба, и в меру бессмысленная «поющая чаша» восторженной девочки хипповского вида, и неизбежные джембе от неизбежных растаманов. Со временем, правда, помощники начинают выдыхаться и стихают, но сам оркестр, как автомат, выдувает свою проверенную веками фразу, с каждым повторением набавляя энергии, и к храму толпа приходит уже в состоянии если не транса, то чего-то крепко отличающегося от того, что было на выходе. Во всяком случае, восемь километров успешно преодолевают и старики, и больные, и дети. А местное ГИБДД, вынужденное перекрывать основную трассу республики

(от Чадана на Кызыл), рапортует впоследствии об участии в шествии десяти тысяч человек.

Открытие храма — как и любая официальная церемония, чуть менее интересно, чем возможность увидеть последние часы подготовки к ней. Что толку слушать адреса от официальных лиц, если вместо этого можно спрятаться от жары в небольшой подсобной клетушке вместе с главными героями строительства, безымянными для этих официальных лиц волонтерами, и снова оказаться в почетной компании тех, кто молча пьет чифирь, сажает одну за другой дрянные сигареты и изредка переговаривается по-тувински? Ничто не может с этим сравниться, поверьте.

Каждый из этого десятка человек знает, что его личного труда в восстановлении храма больше, чем у всех «официалов» вместе взятых; и каждый из них сидит на неудобных досках молча, по-своему переваривая тот торжественный момент, который для избалованного европейца мог бы стать кульминацией всей его жизни. Здесь пахнет сырым цементом и растворителем, в одежду мгновенно въедаются вездесущие опилки, и уставший Паша Чесноков, главный электрик фестиваля и один из ключевых его волонтеров, успевает заснуть за то время, которое нужно кружке, чтобы обой-

ти сидящих; а комендант фестивального лагеря и один из его незаметных героев Олег Киштеек тратит почти все время церемонии не на осознание собственной роли в истории, а на попытки уловить неработающую сотовую связь, чтобы обеспечить транспорт для людей обратно в лагерь.

Эту подсобку даже в мыслях не хочется менять на торжественную службу, где читаются произносимые лишь раз в сто лет мантры, на присутствие рядом с храмом, которого ждали три четверти века, на возможность наблюдать на большом экране происходящее внутри (потому что вовнутрь просто не попасть). Именно здесь понимаешь, что храм уже открыт, и он далеко вышел за пределы тех каменных стен, которые принято считать храмом.

Там, на жаре, все как и всегда: местные жители каждый по-своему молятся, туристы каждый по-своему развлекаются. Многочисленные приезжие девочки, считающие себя просветленными буддистками, гордо садятся впереди чаданцев в правильную позу, раскрывая необходимые чакры, совмещая нужные пальцы и распрямляя стройные плечи; но через пятнадцать минут такого сидения выясняется, что это неудобно. Неправильные чаданцы остаются сидеть и молиться, а правильные девочки одна за другой, пренебрежительно тряхнув головой, удаляются в тень: прикладной буддизм заканчивается, начинается настоящий.

Потом мы еще будем собирать провода и носить какие-то очередные доски, потому что а что еще, собственно, делать? Именно в этом — настоящий, выжимающий чистую слезу дзен: пока еще не кончилась даже трехчасовая церемония открытия, еще не иссяк поток желающих войти в храм, а силовые кабели уже надо выдергивать из-под ног верующих и везти на стадион Чадана, где скоро должен начаться концерт.

Храм открыт, и это событие национального масштаба для такой нации, какова тувинская. Но у тех представителей этой нации, которые и открыли храм, нет времени стоять, слушать, осознавать собственную роль: им нужно, пачкая руки в вездесущей степной пыли, выносить кабели из толпы, бухтовать их, грузить на машины, ехать на стадион, разворачивать звук.

И я опять оказываюсь в этой компании, забывая делать яркие фотографии на память и забывая повязать какую-нибудь символическую ленточку. Я тоже начинаю понимать, что живая музыка более ранима, в отличие от живой веры, и требует большей активности от людей.

На стадионе еще почти никого нет, кроме наглых детей, но дело найдется всем, и через некоторое время после прибытия я уже лезу на какую-то нехорошую высоту с гаечным ключом в зубах и начинаю крепить световое оборудование, которое только что привезли, а Паша переносит уже подключенные и находящиеся под напряжением электрические короба на несколько метров ближе, потому что не хватает длины проводов. То, что мы творим, наверняка вызвало бы сердечный приступ у любого специалиста по технике безопасности. Но мы все, кажется, ничего не боимся, потому что это то место и то время, когда мы правы.

«Ом мани падме хум».

Фестиваль открывается большим концертом на стадионе, и первый же выступающий, давний активный участник «Устуу-Хурээ» красноярец Сергей Пугачев, хорошо показывает все смешение стилей. Это классический рок-бард, своего рода сибирский аналог Андрея Козловского, с хорошим хрипловатым вокалом, уверенной свободой поведения, недурными четкими текстами и умением выжимать из сопровождающих музыкантов максимум. Сайдмены обеспечивают ему не только обычную барабанно-басовую поддержку (сам Сергей играет на двенадцатиструнной «акустике»), но и духовую пачку, составленную из тромбона, трубы и тенор-саксофона. Хорошую пачку, к слову! Сочную и изобретательную в достаточной степени, чтобы выступление Пугачева могло быть зачтено и по категории «джаз».

Он начинает со специально написанной к фестивалю песни об Устуу-Хурээ (в чем-то чрезмерно прямолинейной, но вполне «радийной» по мелодии и легко остающейся в памяти), а заканчивает тем, что довольно неожиданно для церемонии открытия буддийского храма, — долгой и медитативной «Харе Кришной». Аудитория, впрочем, встречает его восторженно, и лишней раз понимаешь, что никто из оргкомитета не лукавит: музыка и вера тут не подчинены друг другу, это равноправные сущности.

За Пугачевым выступает ансамбль государственной филармонии с хрестоматийным названием «Тыва», и пусть даже его формат очевиден и репертуар беспроектен — он хорош. Не удивляешься, почему этот коллектив и отдельные его музыканты потом рассказывают и о Штатах, и о Скандинавии, и о центральной Европе: им есть что показать на уровне, который остается ориентиром для начинающих, как тут принято для краткости говорить, «фолкеров».

В качестве особого гостя появляется Альберт Кувезин, лидер знаменитой «Ят-Ха» (Yat-Kha). Он исполняет соло на русском языке — песню про старого китайца, доказывая, что у него, возможно, действительно самый низкий в мире каргыраа (наиболее басовый по звучанию вид горлового пения).

Но окончательную планку фестивалю задает духовой оркестр под руководством Тимура Дулуша — тот самый, музыканты которого предыдущей ночью таскали ящики, а утром прошли форсированным маршем двухчасовой хороо, ни на секунду не прекращая играть. Они выходят на сцену все в тех же традиционных костюмах, все под тот же ритм обряда Цам, и встречают их так, словно на Красную Площадь наконец-то вышел Пол Маккартни. Приезжий слушатель, незнакомый с реалиями тувинской музыки, недоуменно пожимает плечами, а оркестранты заканчивают древнюю мантру, быстро перестраиваются по сцене в сложно аранжированное построение. Тимур дает им десять-пятнадцать секунд передышки — и, мать божия, да это же знаменитая «Розовая пантера»! В ночном Чадане! Под присмотром полусотни суровых омонцев! На разболтан-

ной древней сцене, которая еще в 2004-м году вызывала некоторые вопросы! Без саундчека как такового, лишь со скупым рядом микрофонов на передней линии! И это такая «Розовая пантера», друзья мои, что все ваши внутренние уравнения, сомнения и печали разом разрешаются.

С первыми звуками этого поразительного коллектива, созданного с нуля в 2005-м году, вы понимаете, что были в вашей жизни оркестры на порядок интереснее, на порядок опытнее, на порядок профессиональнее, но не было оркестра лучше.

То, что начал в свое время выращивать из молодых тувинских музыкантов (на тот момент далеко не всем исполнилось даже шестнадцать) Тимур Дулуш, сегодня превратилось в не имеющий аналогов оформленный коллектив, прекрасно понимающий свои объективные недостатки и способный возводить свои объективные преимущества в куб.

Многие из этих почти тридцати музыкантов, говоря прямо, не в состоянии сыграть импровизационное соло в принципе; некоторые в состоянии сыграть только плохое. Им плевать. Вместо этого они танцуют и маршируют, постоянно смещая менее опытных музыкантов в общем построении, «растаскивая» звук по всей занятой площади, не оставляя презрительному критику шанса ткнуть пальцем в кого-то конкретного и сказать «вот здесь у вас есть проблема».

Проблемы у них просто нет; это команда в высшем смысле слова, и тот, кто не может импровизировать «за себя и за того парня», выдает на гора запредельную энергетику; тот, что импровизировать может — отрывается в коротких, незаконченных, до сведенных в паху мышц недостаточных соло. Ритм-секция погибает над своими инструментами с первой секунды и до последней так, словно это финал прощального тура какого-нибудь хард-рокового коллектива; немногочисленные девушки опасно скользят среди парней, быстро теряющих во всем этом мельтешении на сцене цивилизованность и превращающихся в истинных, простите за термин, самцов, которым здесь, сейчас, сию минуту надо обратить на себя внимание всего мира.

Обычная «Розовая пантера», которая у молодого оркестра европейской части России может, конечно, стать «боевиком», но боевиком специфически продуманным и построенным на грамотном расчете, здесь превращается в какую-то конную лаву, сметающую на своем пути и теорию музыки, и здравый смысл, и обалдевшего слушателя. Вы только что иронически кривили

угол рта, потому что оркестр собирался перед вами маршировать, не обращая внимания на расположение микрофонов — и тут же уже нет никакого «вы», есть только растоптанная в пыль протоплазма, из которой эти дикие, безумные, жадные оркестранты лепят все, что хотят.

То, как работает оркестр Дулуша, надо изучать в отечественных джазовых школах независимо от стилистических предпочтений конкретного преподавателя. Перебивки между композициями — пять или десять секунд; никаких нот; шум и ярость во время исполнения сменяются строжайшей дисциплиной в паузах; музыкальная клоунада выведена ровно на тот предел, когда она максимально хороша и минимально заметна. Вы хотите ярких и неожиданных цитат? Получите «Smoke On The Water». Хотите отката к сколько-то общепринятому джазу? Получите разовый, взвешенный и яркий выход вокалистки Софьи Кара-оол-Дулуш, столь же хорошо понимающей и свои недостатки, и свои достоинства. Хотите радикальной дичи? Получите порцию рэпа на русском и на тувинском, перебиваемого акробатическими этюдами перкуссиониста и эквилибристикой с тарелками.

Трудно, невозможно сказать, откуда все это берет Тимур Дыртык-оолович, который еще вчера ходил в кирзовых сапогах и работал топором. Хотя он умеет не только это, как выяснится позже: он умеет ездить по горным дорогам на скорости за шестьдесят, работает директором республиканской детской школы искусств, самолично водит оркестровый ПАЗик и является ав-

тором методики подготовки лошадей к оркестровому дефиле... И так же трудно сказать, откуда все это в парнях-оркестрантах, которые, положи

руку на сердце, не вызывают у туриста своим внешним видом никаких ощущений, кроме серьезного опасения за свою жизнь и здоровье. Можно, наверное, сказать, что все это — от того исторического приезда Sun Ra Arkestra в 2004-м, после которого в музыкальной жизни Тувы вообще многое изменилось; но, как ни парадоксально, дело далеко не только в команде Маршалла Аллена.

Дело еще и в том, что все эти странные люди настолько свято верят в живую музыку, что ей, музыке, ничего не остается, как становиться у них за плечами.

Вы можете танцевать под этот оркестр и плакать от счастья. Можете ржать в голос, не в силах устоять перед его диким обаянием. А можете стоять в той позе, в которой вас застигли первые ноты, и ваши знакомые будут путать вашу неподвижность с равнодушием. Но на самом деле вы просто будете пытаться не разреветься, как малолетний.

Ночью в лагере идут спонтанные джемы у костров. Давняя мечта тех, кто регулярно мотается по разнообразным бардовским и хипповским фестивалям, но любит в первую очередь джаз: в неровных бликах сидят все те же художественно оформленные молодые парни и девчонки, и ощущается все тот же дух Вудстока, но никто не поет про «солнышко лесное», про «все идет по плану» и даже про лестницу на небеса — вместо этого сразу в нескольких местах идут полноценные и чисто джазовые джемы. И кто-то даже играет на тромбоне с расщеплением тона на два голоса, а какой-то неведомый ночной скрипач пытается положить Паганини на гармоническую сетку «Cherokee», и нам ним вполне оправданно, пусть и по-доброму, смеются в голос...

В оргкомитетовской столовой сидит усталый до чертиков Тимур, который не уходит спать только потому, что для этого надо встать и куда-то идти. И слово за слово, начиная рассказывать об оркестре, он опять оживляется. А снобские представления о том, что такое «провинция» и «Азия», рушатся с треском.

Этот оркестр бывал не только в Красноярске и Абакане, но и в Москве, Орле, доезжал до Прибалтики; в ближайших планах — Юго-Восточная Азия. На него пишут изумленные рецензии разнообразные председатели оркестровых ассоциаций со всеми мира, к нему в гости собираются преподаватели и функционеры из Штатов. Сидя на неструганых досках в полукилометре от Чадана и непроизвольно потирая мозоли на ладонях,

Тимур рассуждает о том, что надо получать визы в Норвегию и Латвию, а американская, наверное, пропадет зря. Рассказывает о том, что на подготовку конного дефиле на незнакомых лошадях в Тайване (или Сингапуре?) у них будет всего три дня — придется попотеть. Вспоминает о публикациях в профильных журналах и дипломах, подписанных ни много ни мало Дмитрием Медведевым. Сетует на то, что по возвращении в Кызыл наверняка придется переключаться на внутренние дела детской школы искусств и оркестр на некоторое время притормозится. С белой завистью рассказывает об оркестровом форуме Midwest Clinic, где музыкантам давали поиграть на любых инструментах в качестве пробы. И на вопрос «А сколько раз вы репетируете?» отвечает с некоторым даже удивлением — «Как это сколько? Мы же профессиональный коллектив: по рабочим дням, пять дней в неделю, по три часа в день...»

«Ом мани падме хум».

Здоровое фестивальное безумие нарастает. Утренняя конкурсная программа откладывается почти на три часа из-за проблем с электричеством, прибывающие гости регистрируют не только себя, но и декоративных собак, практикующие шаманы располагаются чуть ли не посреди круга волейболистов (которые, надо сказать, вообще самозарождаются на «Устуу-Хурээ» в любое время и в любом месте), а пожарная машина бодро кружит по фестивальной поляне и поливает и ее, истоптанную в пыль, и подвернувшихся некстати зрителей, и внутренности по ошибке незакрытых палаток.

Проблемы с электричеством настолько серьезны, что кызыльские металлисты из группы Odin, после получасовой попытки настроиться так начат играть конкурсную программу, останавливаются на середине первой вещи со словами «Пацаны, не получается» и, расстроенные, уходят.

А у жюри в ответ рождается парадоксальная мысль о том, что надо бы им дать диплом за качественное отношение к музыке, потому что не каждый решится остановить свое выступление только потому, что все звучит некачественно.

Впрочем, в конкурсной программе двух последующих дней почти нет джаза: разве что красноярский «Дублин» в какой-то степени соединяет обычную «кельтику» и узнаваемую импровизацию, да сборный сибирский проект «Приправа» радуется добротным, качественным фанком. Ну, с ними все понятно: на тенор-саксофоне тут известный новосибирец Владимир Тимофеев, на трубе — красноярец Александр Сорвин (великолеп-

ный трубач, к слову!), на тромбоне — тот самый ночной двухголосый Денис Студнов. Басист Владимир Валихов тоже из Красноярска, он ездит на «Устуу-Хурээ» уже несколько лет подряд и в будущем получит специальный приз в диковатой номинации «Басист-связист», символизирующей его ключевую роль в создании сразу нескольких ансамблей. Ну, и уже упомянутая Байлак Монгуш на барабанах, которой организаторы фестиваля могут гордиться не меньше, чем духовым оркестром: это полноценный «продукт» фестиваля, хороший музыкант, который играет именно в ту сторону, куда все это время дул фестиваль ветер.

Конкурсная программа идет на малой сцене, расположенной прямо среди лагеря. Это удобно во всех смыслах: приедем не надо никуда ходить и можно совмещать прослушивание с приготовлением пищи, местные жители не отвлекаются на то, что далеко не всегда оказывается качественным.

Но своего слушателя на «Устуу-Хурээ» находит каждый, независимо от возраста, стиля, уровня мастерства: на большую сцену пустят немногих, а на конкурсной выступит почти полсотни коллективов, в том числе с такими экзотическими названиями, как «Лосось тихоокеанский потрошенный» и «Очелье сороки».

Субтильная норвежка, исполняющая скандинавские колыбельные, классическая хиппи из Польши с репертуаром от южноамериканских индейцев и наивная до умиления грузинская девушка, поющая простенькие песни о любви на португальском. Металлисты, у которых в текстах имеют место «трупы архангелов, трупы из неба». Панки, одетые в майки с призывом освободить Тибет. Классические барды. Образованные прямо на фестивале сборные составы с полувзводом отрешенных исполнителей на поющих чашах (похоже, этот мега-инструмент скоро вытеснит вездесу-

щие джембе и станет новой головной болью для тех, кто хочет видеть в музыке хоть немного музыки). Разумеется, самые разноплановые фольклорные ансамбли. И шушуканье за спиной: там две посетительницы фестиваля сравнивают цветные фотографии ауры, которые им сделала за триста пятьдесят рублей потомственная (разумеется) целительница на стадионе, и решают, у кого ярче сексуальная составляющая...

Во время конкурсных программ в один из дней за городом проходят скачки, а в другой на стадионе — турнир по национальной борьбе хурэш (где защитить цвета журнала «Джаз.Ру» не удалось именно потому, что приходилось сидеть в жюри). Желающие могли также посетить музей Буяна-Бадыргы — основателя тувинской государственности, имевшего прямое отношение к строительству хурээ. Да и вообще заняться перед вечерними концертами было чем, пусть даже лагерь помаленьку обретал все больше черт укрепленной крепости.

Омоновцы на входе делались все более жесткими, сухой закон поддерживался все более резко, в какой-то момент на палатке регистрации даже появилось явное объявление, что-де местные жители в качестве гостей не регистрируются, а по громкой связи прозвучало доброе, но пугающее заявление Игоря Дулуша о том, что некорректных гостей просят выйти с территории, пока их не вывели силой. Оно и понятно: закрывать глаза на специфику Чадана не следует. Кто-то из местных жителей на фестивале духовно растет, кто-то — зарабатывает, кто-то — наживается, кто-то — вообще ворует. Но в любом случае всех объединяют вечерние концерты, начинающиеся в восемь-девять вечера в уже почти полной темноте: раньше людей не собрать из-за жары. На большую сцену выходят два-три приглашенных гостя и те участники конкурсной программы, кого жюри посчитало достойными.

Великолепно отрабатывают филармонические звукооператоры, выращенные, как и все на фестивале, с нуля, с чистого листа: имея одну-две минуты на реаранжировку сцены, они умудряются делать звук, которым может похвастаться далеко не каждый московский опен-эйр. А перестроения бывают кардинальные: только что на сцене было четыре человека с акустическими струнными инструментами — и следом за ними идет состав на 8–9 человек с электрифицированной ритм-секцией, ударными, вокалом, духовой группой.

Из конкурсантов в разрезе именно джазовом заслуживают внимания немногие. С некоторой натяжкой это «театр души и тела» под названи-

ем «Яранга», в котором собрано опасно много одухотворенных девочек с дредами и опять же поющими чашами, но диплом за «чувство меры» корректен: в своей полусвободной этнической импровизации коллектив останавливается вовремя и оставляет слушателя чуть голодным. Это, безусловно, уже упомянутая «Приправа», которая, однако, зачем-то повторяет одну и ту же программу из трех-четырех боевиков («Wayne's Thing», «Crosstown Traffic» Хендрикса и т.п.) и на ночных джемах, и на вечерних концертах. Это кызыльский проект «Ара-Хоо», сдержанно оцененный дипломом «Озорницы»: две вокалистки состава заигрывают и с джазом, и с тувинским фольклором, и с русской этникой (все это «девки, а девки!» уже не раз пройдено и, например, в исполнении Zventa Sventana сумело превратиться из кича в осмысленный и содержательный псевдо-гламур, а у «Ара-Хоо» пока еще находится в стадии осознания и временами режет ухо). Это хороший кызыльский состав под названием «Дао Шын», что с тувинского переводится как «путь правды»: сам этот состав получает диплом в номинации «Волна фестиваля», поскольку эту самую волну он действительно поймал, а его перкуссионист Кирилл Смахников становится «лучшим перкуссионистом». По стилю это импровизационный амбиент, временами опасно близкий к опытам московской группы Ивана Смирнова, но всегда щедро заправленный суровой мрачностью сибирской этники и потому как минимум очень и очень достойный.

Остальные — либо представляют в той или иной степени традиционную фольклорную нишу («Чангы-Хая», «Амырга-Моос», «Кенгирге» и т.п.), либо уходят и от фольклора, и от джаза в какие-то совсем неведомые области.

Выделить стоит разве что еще одного дипломанта (номинация «Джем»), которого на основную сцену выпускать побоялись: житель Чадана Мерген Сат, один из ключевых исполнителей ансамбля под названием «Чикаго» (а это, к слову, неофициальное прозвище Чадана, только отсылающее не к роскошной жизни, а к уровню преступности), на вечернем джеме превзошел всех когда бы то ни было виденный мной джемующих шоуменов, с места в карьер отправившись в такой разнузданный вокальный астрал, что аудитории не оставалось ничего иного, кроме как захлебываться одновременно хохотом и слезами...

Но кроме конкурсантов, на сцене были и специальные гости — те, кому в конкурсе уже не положено по статусу. И о них надо сказать особо.

Была кызыльская группа «Хартыга» («Сокол»), возглавляемая барабанщиком Найысом Дулушем. Вновь нет совпадения: Найыс — сын руководителя фестиваля Игоря и вокалистки духового оркестра Софьи Караоол-Дулуш, племянник руководителя оркестра Тимура Дулуша и одного из музыкантов оркестра, Артура. Словом, все свои.

И н т р и г и добавляет еще и то, что мать, отец и сын — сокурсники по Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, окончившие вуз в этом году у профессора Валерия Симонова. Эти

люди не стесняются учиться, и по музыке «Хартыга» это видно: это единственный на фестивале коллектив, который не заигрывает с фолком, джазом и роком, а полноценно объединяет их в единой целое.

Гитара Хулера Лопсана пропущена через самые неожиданные в контексте тувинского фолка примочки — флэнджер, wah-wah, distortion и так далее; низкий вокал Начына Чореве далеко не всегда радует слушателя красотами хоомея или каргыраа, обычно оставаясь именно специфически роковым, рычащим голосом Большого Рок-Идола. Духовая пачка (тенорист Орлан Дары-Сюрюн и баритонист Начын Донгак) по-рокерски прямолинейна (говорят, правда, что в ней не хватает трубы еще одного музыканта-монгола, недавно вынужденного уехать на родину), но при этом грамотно разложена на голоса и активно оперирует с национальной мелизматикой. Бас Ангыра Ондара, в зависимости от контекста, гуляет от фанковой рубки слэпом до тяжелого металлического бубнежа. Барабаны самого Найыса — стопроцентно рокерские, насыщенные, тяжеловесные. Материал — от того, который приняли бы на ура на ином прог-роковом фестивале, до того, который остается в фолковой идиоме. И легкий, пра-

вильный, точечный мазок авангардной кисти поверх всего происходящего, упаковка музыки в прозрачную индивидуальную обертку.

Вы будете смеяться, но «Хартыга», если слушать ее издалека, в хорошем звуковом балансе, не производит впечатления российской группы. Это сырой и жирный талантище; мощнейшее звучание, насыщенное по частотам и до хлюпа пропитанное обертонами; дикая, но взнузданная энергетика — то исполнение, которое нормальный музыкант позволяет себе только «в последний раз». Дай бог, чтобы этих последних разов у «Хартыги» было как можно больше. Их можно ставить на абсолютно любой рок-фестиваль — в России, в Европе, в Штатах — и если у слушателя есть хоть какой-то вкус, он сумеет отбросить в сторону некоторые очевидные недостатки коллектива и останется стоять, открыв рот.

И еще один состав: легендарная «Амыр-Санаа», в которой от изначального состава остался теперь лишь Андриян Оюн. Группа переменного состава и формата, зародившаяся в тувинской зоне, где отцы-основатели искупали вину перед обществом. Когда их спрашивают о влияниях и образцах для подражания, Оюн говорит — «Да не было никакого подражания, у нас это в крови, наверное; не было возможности слушать всякие там Led Zepelin». Действительно не было: люди валили лес, кто-то за разбой, кто-то за убийство. По десять, пятнадцать, двадцать лет. Основатель группы, Александр Саржат-оол, за колючей проволокой провел и вовсе двадцать два; а сегодня его песни поет вся Тува, и, положив руку на сердце, они того стоят. Дело даже не в том, что со спирающей дух простотой и естественностью он скрещивает дворовый национальный фольклор и тот корневой черный блюз, который пели такие же, по большому счету, уголовники; дело даже не в том, о чем он поет в своих песнях, потому что все хорошие песни всегда об одном и том же. Дело все в той же чистоте и силе человеческого духа, как бы это ни странно звучало по отношению к рецидивисту.

«Упасть — просто, подняться — трудно», — вот его простые и, прямо скажем, немудреные слова; он не говорил о том, что сумел подняться, он лишь говорил о том, что это трудно.

Саржат-оол не дожидаясь открытия храма, в котором есть и его труд; «Амыр-Санаа», в которой сегодня за главного его старый соратник Оюн, дожила и была встречена овациями еще до того, как зазвучала чуть расстроенная гитара и «нефотогеничный» голос Андриана. Этого не понять тому, кто не был на «Устуу-Хурээ».

Оюн спел очередной несложный блюз (правда, хитро выломанный по гармонии, но выломанный в основном из-за необходимости подстраиваться под текст, а не из концептуальных соображений), причем спел на русском, с текстом, который не выдерживает никакой критики именно как поэзия:

«Кому какое дело,
В кого поверил я —
В Аллаха или в Будду,
А может быть, в Христа».

Но это был момент откровения. Настоящего, большого, тяжелого в своей глобальности откровения. Когда одновременно и воспаряешь духом, и чувствуешь на плечах тяжесть. Потому что эти люди на сцене, изломанные жизнью и не имеющие десятой части того, что ты, молодой и здоровый, получил от судьбы за спасибо, честны с тобой на сто процентов, до самого последнего конца.

Честность — это и есть «Устуу-Хурээ». Странная и страшная смесь джаза и уголовщины, подвижничества и неуверенности, бедности и щедрости, результативности и неудовлетворенности собой — вот в чем этот фестиваль.

Здесь смотрят на музыку так, как на нее не смотрят нигде вообще; здесь нет преклонения перед профессионализмом, нет слепого уважения к проверенным рецептам, нет боязни перед травмой, есть лишь необходимость держать слово, которое было когда-то и кому-то дано. Другу, знакомому, своему народу, самому себе — неважно.

Мы обсуждаем цены на билеты и то, насколько удачен был последний альбом того или иного мастера; они строят храм и искренне думают, что ничего не умеют и все у них наперекосяк. А музыка звучит над всем этим вне времени и вне пространства. Утром, днем, ночью.

На очередном джеме к микрофону выходит какой-то малопонятный пацан, берет гитару и, криво улыбаясь, выдает фантастический текст:

«Вот лежит мое молодое тело.
Два огнестрельных ранения в груди и контрольный в голову.
А ведь все так хорошо начиналось.
Плачет жена — беременна она».

И ты начинаешь непроизвольно смеяться, но смеяться не над текстом, а от жаркого ощущения того, насколько глубоко тебя сейчас подпустили к странной музыкальной истине этих мест, где нет запретов ни в быту, ни в музыке. И ты слышишь, что кто-то из местных девчонок, уютно и тепло устроившись уже в объятиях товарища и задремав, вдруг говорит тихонько: «А мне показалось, что это сам Саржат-оол поет». Никто и никогда не скажет так про Михаила Круга. Так даже про Джона Леннона никто не скажет, поверьте.

Единственное, с чем это можно сравнить, применяя ситуацию к себе — с тем, как если бы я сам лежал у кого-то в теплых объятиях и мне вдруг искренне показалось, что это сам Колтрейн играет там, у костра, «A Love Supreme», пронзительную, сумасшедшую и откровенную.

Это — Тува.

Нищая и бескрайняя. Гордая и равнодушная. До одурения жаркая днем и пронзительно холодная ночью. Полная фантастических пейзажей и заброшенных индустриальных комплексов. Рождающая пожизненных

уголовников и никому не известных святых. Лишенная железной дороги и наделенная духовностью, которой нет в мировых столицах. Страна, где алчные уличные торговцы угощают тебя чебуреком бесплатно, потому что ты гость, и где пролетающие по своим делам гордые орлы немедленно воруют у тебя этот чебурек прямо из руки и прямо в целлофане. Страна, где пытаются запретить алкоголь люди, которые пьют чифирь. Страна, где кочевники на лошадях приезжают за сотни километров, чтобы послушать хороший джаз и плохой панк. Страна, где сотрудники министерства экономики приезжают на фестиваль в гости и устраивают бег в мешках, вместо того чтобы слушать музыку. Страна, где есть ветер. Страна, которая понимает толк в настоящей музыке.

И если вы не были на «Устуу-Хурээ» — вы еще даже примерно не знаете, какая она, музыка, бывает. И тем более не знаете, какие бывают люди.

Съездите к ним в 2013-м году.

Дайте себе шанс.

Для иллюстрации статьи были использованы фотографии автора, Виктории Лачугиной, Саяны Монгуш, Павла Чеснокова.

Статья впервые была опубликована в журнале Джаз.Ру

“USTUU-KHUREE”: THE MAIN THING IS NOT TO RUN BEFORE THE GREEN HORSE

Yu. Lnogradskiy